

ИСТОРИЯ. ЭТНОЛОГИЯ

DOI: 10.46698/VNC.2021.79.40.001

СОВРЕМЕННАЯ АНГЛОЯЗЫЧНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ О СОБЫТИЯХ 1917–1921 ГГ. НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

Л.Б. Салихова

В статье анализируется современная англоязычная историография революций 1917 г., Гражданской войны и интервенции, происходящих на Северном Кавказе и привлекающих внимание как отечественных, так и зарубежных исследователей. Отмечен интерес последних к региону как в XX, так и в XXI вв. Актуальность темы определяется возможностью познакомиться с исследованиями англоязычных авторов, с их взглядами на историческое прошлое народов Северного Кавказа в общероссийском контексте, с ролью горцев в формировании геополитического пространства тех лет. Цель работы – выявить среди доступной зарубежной литературы труды англоязычных исследователей XX в., в которых рассматриваются события 1917–1921 гг. на Северном Кавказе, и проанализировать их. В ходе исследования были использованы методы описания, анализа, принцип объективности и др. В работе показано, что в англоязычной историографии уделяется внимание Северокавказской Горской республике, Юго-Восточному союзу казачьих войск, горцев Кавказа и вольных народов степей, взаимоотношениям народов региона с Россией, зарубежными державами, с представителями Южного Кавказа, влиянию религии на политику горцев. Они отмечали возможности, которые предоставили народам Северного Кавказа события 1917 г.: организации различных политических советов, новых местных правительств и т.д. В рассматриваемых исследованиях анализируются также процессы противостояния различных групп населения, приводившие к вооруженным столкновениям. В целом труды иностранных авторов дополняют материал отечественных исследователей и способствуют расширению исследовательских горизонтов.

Ключевые слова: Северный Кавказ, англоязычные исследователи, Терско-Дагестанское правительство, Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана, Юго-Восточный союз казачьих войск, горцев Кавказа и вольных народов степей.

История Северного Кавказа традиционно привлекает внимание не только отечественных, но и зарубежных исследователей. Изучение англоязычной историографии XX в. помогает взглянуть на историческое прошлое народов региона с точки зрения зарубежных исследователей. В

той или иной степени в их трудах отражены и события, происходившие в регионе в 1917–1921 гг. Среди множества публикаций можно выделить работы Ф.Д.Ф. Френча, К.Э. Бехгофера (Бечхофера), У.Г. Чемберлина, Э.Х. Карра, Ф. Каземзаде, В.Э.Д. Аллена и П. Муратова, М. Беннигсен-Броксап и др. [1–7]. С наступлением XXI в. интерес к северокавказской истории за рубежом заметно возрос, что объясняется значением Кавказа как стратегически и экономически важного региона для современной мировой политики.

Так, в 2003 г. вышло диссертационное исследование М.А. Рейнольдса, посвященное борьбе Турции и России за Восточную Анатолию и Кавказ (1908–1918 гг.) [8]. Автор уделяет внимание и Северокавказской Горской республике, которая была допущена на переговоры в Трабзоне, наступлению оттоманских отрядов на Северном Кавказе, взятию Дербента, образованию Северокавказской Горской республики, совместному захвату османами и их северокавказскими союзниками города Петровска 8 ноября 1918 г.

Рейнольдс полагает, что, несмотря на историю взаимодействия между османскими властями и мусульманами России в 1918 г., их принадлежности по религиозным и этническим границам, это не повлияло на османскую политику в какой-либо значительной степени. Согласно автору, «главной целью османского наступления на Кавказ в 1918 г. было не освобождение кавказских мусульман России... а скорее» созда-

ние «буферных государств на Кавказе, и в частности в Азербайджане и на Северном Кавказе»¹ [8, 510].

В 2005 г. вышла статья А. Расизаде «Чечня: Ахиллесова пята России – часть первая» [9], в которой автор упоминает и о событиях 1917 г. Он отмечает, что народы Северного Кавказа использовали хаос в России, чтобы создать независимую конфедерацию по типу Швейцарии. Пишет о «Дикой дивизии», которая сражалась как с революционными красными, так и с контрреволюционными белыми силами, а также о том, что 11 мая 1918 г. Съезд Горских народов в Тифлисе (Грузия) провозгласил о создании Северокавказской Федерации (Республика горцев), в которую входили семь субъектов: Абхазия, Черкесия, Кабарда, Балкария, Осетия, Чечня и Дагестан. В итоге автор отмечает, что после установления полного контроля Советов в России они проявили силу и на Кавказе, подавив сопротивление в начале 1930-х гг. [9, 196]

В 2008 г. в журнале «Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, Neue Folge» («Ежегодники по истории Восточной Европы, Новая серия») была опубликована статья М.А. Рейнольдса [10], доцента кафедры ближневосточных исследований Принстонского университета (Нью-Джерси). В область его исследований входит османская и современная история Ближнего Востока, история России и Евразии, Кавказ, международные отношения, империя, национализм, внешняя политика Турции и внешняя политика США². В отличие от диссертацион-

ного исследования 2003 г. [8] в статье автор более подробно рассмотрел события, имевшие место на Северном Кавказе.

Рейнольдс отмечает, что рассказы о Северном Кавказе после революций 1917 г. передают картину насилия и сильных антироссийских настроений, подпитываемых этническим и религиозным антагонизмом. Он отмечает, что в последние годы возрос интерес к темам революционного насилия и этнических конфликтов на имперских окраинах. Автор отсылает к историографии Северного Кавказа, отмечая, что в имперский и советский периоды подчеркивалась пропасть культурных различий и вражды между горскими народами и Россией. Горцы представлялись в роли повстанцев и исламистов, борющихся против России ради ислама и мусульманского мира. Согласно Рейнольдсу, бесплодие этих стереотипов обнажилось в событиях 1917–1918 гг. К важнейшей политической организации, возникшей в 1917 г., он относит Союз Объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана [10, 222].

Таким образом, его статья посвящена образованию и деятельности Союза объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана в трех сферах: в отношениях с Россией и русскими, влиянием ислама на политику горцев и в отношениях с внешними державами.

Автор пишет о политической мобилизации коренных горских народов Северного Кавказа в 1917–1918

гг. Хотя эти процессы длились недолгий период и были довольно противоречивыми, тем не менее, по мнению автора, они явились реальным моментом свободы, когда горцы смогли заявить о своих политических амбициях. Союз объединенных горцев явился важной политической силой горцев того периода. Рейнольдс отмечает, что это было широкое движение горцев во главе с зарождающейся местной интеллигенцией. Он отмечает, что обычное изображение горцев в те годы как непримиримых повстанцев и исламистов вводит в заблуждение [10, 247].

В статье акцентируется внимание на отношениях Союза объединенных горцев с Россией и русскими, с которыми Союз стремился поддерживать тесные отношения, что, по мнению автора, проявлялось не в чувстве идентичности, а в сознательном и остром чувстве личной заинтересованности. Горцы осознавали, что мир за пределами России стремительно меняется в двадцатом веке, и будущее процветание горских народов будет зависеть от усвоения современных форм знания. «Они считали, что реальная угроза больше, чем Россия, и поэтому рассматривали Россию не только как колониального угнетателя, но и как источник образовательных и экономических возможностей, необходимых для процветания их народов. Относительная отсталость была не единственной уязвимостью горцев. Их небольшая численность была

еще одним фактором, требовавшим как единства всех горцев, так и поддержания отношений сотрудничества со всеми их соседями» [10, 222].

Исследователь полагает, что для Союза объединенных горцев было предпочтительно достижение единства с демократической Россией, что также предоставило бы доступ к благам России и позволило бы им эффективно защищать свои интересы внутри демократического государства. Однако захват власти большевиками привел их к желанию отделиться от России и к стремлению к объединению с антибольшевистскими соседями, христианами и мусульманами, на Северном и Южном Кавказе.

Второй аспект, которому уделил внимание автор, – это природа и влияние ислама на политику горцев. Исследователь приходит к мнению о том, что жесткость понимания ислама шейхами и улемами, а также степень их влияния на горцев преувеличена существующими источниками. И, несмотря на то, что ученые отрицали значимость Союза объединенных горцев как группы неэффективных либералов, которым не хватало народной поддержки и авторитета религиозных властей, но настаивавших при этом на введении шариата и восстановлении имамата Шамиля, в критические моменты именно либералы преобладали над своими исламистскими соперниками.

И третье, на что обратил внимание автор, – это отношения с соседями на Кавказе и с великими дер-

жавами – с Османской империей и Германией. Обращение к внешним силам, а именно к Османской империи, было сделано не из соображений общей идентичности, а с целью привлечения единственной региональной державы, способной оказать военную поддержку для изгнания большевиков с Северного Кавказа. Религиозные и этнические узы способствовали сотрудничеству, но никогда не определяли ход отношений.

Рейнольдс пишет, что отречение царя Николая II от престола спровоцировало кризис во всей империи. Для горцев это был момент политических открытий и возможностей, «они начали формировать... советы различной политической ориентации и отправлять делегатов на съезды российских мусульман в Москве и Баку» [10, 223, 225].

Автор останавливается на встрече, которая прошла 5 марта во Владикавказе с целью создания политического движения в защиту интересов коренных народов Северного Кавказа (Союз объединенных горцев Кавказа). Он отмечает, что участники встречи, несмотря на этническое разнообразие, гордились общей идентичностью «горцев», и в мае было решено провести всеобщий съезд горских народов. Радикальным нововведением в политической истории Северного Кавказа явился тот факт, что горские народы Кавказа были призваны к организации выборов и на них должны были голосовать женщины, а также мужчины старше двадцати лет.

Исследователь подробно останавливается на Первом съезде горских народов Кавказа, уделяет внимание второму официальному съезду Союза объединенных горцев во Владикавказе (3 октября 1917 г.), на котором была принята конституция. До ноября 1917 г. Союз продолжал готовить население к участию в выборах во Всероссийское Учредительное собрание и утверждал необходимость сохранения федеративной России как единой, неделимой и великой страны.

Автор пишет, что захват власти большевиками в Петрограде в ноябре 1917 г. заставил Союз объединенных горцев пересмотреть свои отношения с Россией. Но все же руководство Союза не решалось порвать с Россией. «В январе объединенный отряд большевиков и казаков вторгся на Северный Кавказ. Он вытеснил правительство Союза объединенных горцев из Владикавказа и пригрозил полностью его изгнать» [10, 226, 227, 228].

Рейнольдс отмечает, что появление большевистского казачьего союза выявило главный недостаток Союза объединенных горцев – это неспособность решить земельный вопрос, который являлся величайшим источником напряженности на Северном Кавказе. По мнению автора, Союз объединенных горцев в основном поддерживала обедневшая часть горцев, ожидавшая от них перераспределения экспроприированной земли. Также страх перед переделом земель побудил казаков первоначально присоединиться к

Союзу объединенных горцев. Казаки испытывали враждебность как со стороны городского населения, так и со стороны неказачьих слоев населения, которые призывали к национализации земли. Союз объединенных горцев откладывал решение этого вопроса до Учредительного собрания в России.

Автор останавливается и на Юго-Восточном союзе казачьих войск, горцев Кавказа и вольных народов степей, в котором участвовали горцы и степные тюркские народы (2 ноября 1917 г.). Если горское руководство поддерживало идею сближения, то небольшая группа социалистов выступала против, так как считала казаков оплотом царской системы, т.е. антиреволюционерами. Не все благополучно складывалось и в самом Юго-Восточном Союзе. Известие о захвате власти большевиками в Петрограде 25 октября 1917 г. привело к сближению горцев на Кавказе и казачьих лидеров друг с другом, но не к сближению рядовых общин [10, 229, 230].

Возвращаясь к столкновениям горцев с казаками, автор отмечает, что они происходили с лета 1917 г., особенно в Ингушетии. В январе 1918 г. части терских казаков с большевистскими войсками напали на горцев. Последним пришлось сдать Владикавказ, затем Порт-Петровск и Дербент. ЦК Союза объединенных горцев двинулся сначала в Назрань, затем в Темир-Хан-Шуру.

Глава Союза объединенных горцев Чермоев в сентябре 1918 г. писал атаману Кубанского войска, что

горское правительство расценивает столкновения горцев с казаками как большевистские провокации. Союзу объединенных горцев удалось удерживать горцев от эскалации боевых действий.

Согласно Рейнольдсу, большевистские агитаторы жаловались на то, что «буржуазные элементы» среди горцев «парализовали» их попытки спровоцировать нападения горцев на казаков в течение лета 1918 г. Хотя столкновения среди горцев и казаков и имели место, но они не были массовыми и систематическими. Автор подчеркивает и доброжелательное отношение Союза объединенных горцев к этническим русским после провозглашения независимости, ввода турецких частей в Дагестан летом 1918 г. [10, 230, 231]

В своем исследовании Рейнольдс уделяет внимание и исламу, указывая на то, что традиция ссылаться на ислам для объяснения истории Северного Кавказа существует среди ученых давно, независимо от рассмотрения религии как положительной силы антикоммунизма и сопротивления России или наоборот. Он согласен с тем, что ислам занимал видное место в политике северокавказского общества 1917–1918 гг., но считает, что влияние ислама на политику на Северном Кавказе все же не было определяющим, несмотря на портреты, представленные большевистскими хронографами, поздними советскими историками и их западными коллегами. «Те люди, которые были определены как наиболее “ортодоксальные” или

“фанатичные” сторонники ислама, оказались весьма новаторскими в своих интерпретациях ислама и сдержанными в своих религиозных взглядах на мир», – пишет автор [10, 232, 233].

По мнению Рейнольдса, в северокавказском горском обществе ислам окрасил язык горской политики, но не определил содержание этой политики. «Религиозные авторитеты горцев одобрили и инициировали действия, не имеющие прецедентов в исламе. Они одобряли не только выборы, но даже участие женщин в политической жизни, а также образование <...> даже самый ревностный поборник исламского порядка Узун Хаджи с готовностью признал потребность горцев в современном образовании и знаниях» [10, 236].

Далее автор останавливается на внешних отношениях Союза объединенных горцев. Он отмечает, что горцы вступили в союз с Османской империей по причинам геополитики, а не идентичности, так как считали османов полезными союзниками, которые могли оказать военную помощь, а не потому, что они были мусульманами. Автор показывает, что Союз объединенных горцев проводил политику добрососедства как в международных отношениях, так и во внутренней политике. Однако в двух вопросах он отказался идти на компромисс: «необходимость изгнания большевиков и включение Абхазии в Горскую республику, а не в Грузинскую республику» [10, 237].

Союз объединенных горцев просто поддерживал связи и с пред-

ставителями Южного Кавказа, не видя необходимости союза с ними. Приход к власти большевиков подтолкнул Союз объединенных горцев сначала к присоединению к Юго-восточному союзу, а затем к поиску союзников за пределами своего региона в связи с захватом большевиками большей части Терской области и Дагестана [10, 237].

Рейнольдс показал в своем исследовании, как представители Союза объединенных горцев пытались наладить отношения и с жителями Закавказья для создания единого Кавказского государства. Он пишет, что горцы Северного Кавказа пытались увеличить свои шансы на реализацию цели по обеспечению выживания и процветания своих народов в долгосрочной перспективе. Для завоевания сочувствия и признания центральных держав, по мнению автора, представителям Северного Кавказа пришлось заявить о своем существовании в качестве суверенного государства, независимого от России [10, 240].

Автор отмечает, что Союз объединенных горцев также стремился к развитию тесных связей с Германией, Г. Баммат в письме и лично предлагал экономические уступки в обмен на помощь немцев. Москва удерживала Берлин от признания правительства Союза объединенных горцев. Однако попытки Баммата по отношению к немцам принесли свои плоды, когда немцы пообещали и доставили оружие из Тифлиса в октябре 1918 г., но их было мало и было поздно.

Автор признает, что «хотя горцы были готовы и желали сотрудничать со всеми, кто мог способствовать достижению цели независимого Северного Кавказа – будь то османы, немцы, державы Антанты, представители Закавказья или казаки, – чувство солидарности связывало их друг с другом. Они не хотели поддерживать отделение одной группы горцев от остальных» [10, 241] как в случае выдвижения турками идеи о создании одного государства из Дагестана и Азербайджана и другого из чеченцев и прочих северокавказских народов ради организации сплошного фронта против немцев, так и при попытках Грузии контроля Абхазии с помощью Германии.

12 ноября 1918 г. состоялся съезд представителей Союза объединенных горцев из Ингушетии, Чечни и Дагестана, где рассматривались вопросы по определению дальнейших действий, подтверждения декларации от 11 мая и продолжения борьбы за независимый Северный Кавказ, но стало ясно, что прекращение османской поддержки фактически изолировало республику. Помимо того, Союз в 1919 г. оказался в ловушке Гражданской войны в России между большевиками и армией генерала А. Деникина. «И большевики, и Деникин были враждебно настроены к Союзу объединенных горцев, и благосклонность британцев к Деникину разрушила все шансы горцев на получение британской помощи» [10, 241, 242, 245].

В 1919 г. правительство Союза согласилось с ультиматумом Деникина

о роспуске своего парламента, так как оно было лишено военнoслужащих, доходов и внешней поддержки. Руководство перебралось в Тифлис, оставив сражаться отдельные вооруженные группы.

«...Важность Союза объединенных горцев не следует преувеличивать», – пишет автор. – «Горская Республика просуществовала недолго и практически не контролировала территорию, на которую претендовала, – она действительно представляла собой ведущую силу в короткий период независимости Северного Кавказа и доказала свою способность объединить интеллигенцию, офицеров и улемов (алимов). Пример Союза объединенных горцев Горской республики оставался достаточно убедительным, чтобы большевики чувствовали себя обязанными создать свою собственную Горскую Автономную Социалистическую Советскую Республику в качестве противовеса. Даже если Союзу объединенных горцев не удалось реализовать чаяния своих членов, ему удалось их сформулировать» [10, 245, 246].

В 2010 г. англоязычная историография пополнилась работой А. Маршалла [11] – руководителя Шотландского центра военных исследований Университета Глазго (Великобритания). Монография «Кавказ при советской власти» посвящена периоду с 1917 по 1955 гг. В своем исследовании автор отмечает важность Кавказа на современном этапе как стратегически и экономически важного региона в современ-

ной мировой политике и признает, что интерес Запада к этому региону начал стремительно расти с 1991 г. Автор связывает этот интерес с нефтяной политикой, соперничеством великих держав, этническим сепаратизмом и терроризмом в регионе. В монографии исследуется влияние советской власти на Кавказ, в ней нашли отражение и события, имевшие место с 1917 г. При написании работы автор использовал мемуары, архивы и опубликованные источники [11, 2].

Описывая события 1917 г., Маршалл отмечает, что потеря власти правящей династии в марте того же года не привела к особым изменениям в среде феодальных мусульманских беков и ханов, которые продолжали сосуществовать в том же социальном и политическом спектре. Автор останавливается на событиях в Терской и в Дагестанской области в 1917–1918 гг. Политическая жизнь на юге находилась в состоянии брожения, здесь начались перемены с падением царя в марте и избранием в том же месяце местного казачьего правительства во главе с новым атаманом М.А. Карауловым. Автор выделяет важнейшие региональные центры в связи с последовавшими событиями – это Владикавказ, Баку, Грозный, Тбилиси, Порт Петровск и Темир-Хан-Шура.

Маршалл уделяет внимание образованию Временного областного исполнительного комитета (исполкома) 9 марта 1917 г. в Темир-Хан-Шуре, гражданского исполкома во главе с эсером К. Мамуловым во Влади-

Кавказе. Несмотря на создание этих региональных исполкомов, местные органы царской власти также оставались на своих местах и сосуществовали с новым режимом до апреля 1917 г. [11, 53, 58]

В Тбилиси после Февральской революции был образован Особый Закавказский комитет (ОЗАКОМ) во главе с Б.А. Харламовым. 6 апреля 1917 г. ОЗАКОМ дал указание по управлению Дагестаном сформировать специальный комиссариат во главе с И. Гайдаровым. В него вошли М. Далгат и представители областного исполкома. С мая 1917 г. ситуация в регионе еще больше осложнилась, и причину этого автор видит в появлении недавно сформированного Союза горцев, просуществовавшего до ноября 1917 г. Союз горцев был продуктом временного комитета местных политических деятелей, его первое заседание прошло 6 марта. Он быстро получил признание Временного правительства в Петрограде в качестве законного собрания.

Первый съезд объединенных горских народов Северного Кавказа и Дагестана проходил во Владикавказе с 1 по 9 мая 1917 г., здесь был издан манифест, который призывал к созданию федеративной республики из автономных, самоуправляющихся провинций, а также к прекращению войны. Союз возглавил исполнительный комитет из семнадцати человек. Маршалл характеризует их как «случайных» националистов, которые до войны были полностью политически бездействующими или

играли самые незначительные роли в существовавших ранее российских политических партиях. Союз утверждал, что представляет и объединяет различные народы Терской и Дагестанской областей, его президентом был Чермоев, а вице-президентом Коцев.

Маршалл пишет, что Союз горцев положительно отреагировал на призыв Караулова – недавно назначенного местного комиссара Временного правительства и недавно избранного атамана Терского казачьего войска – к местному казачеству и горцам к взаимопониманию, сотрудничеству и доверию для поддержания порядка в регионе. Однако на практике оказалось труднее достичь и реализовать это взаимное желание [11, 58, 59]. Первый съезд не дал всех ожидаемых результатов, на нем не были полностью решены вопросы первостепенной важности: аграрный вопрос, снабжение, народное образование и духовное управление.

В последние годы некоторые западные историки и ученые, пишет автор, выдвинули концепцию о предполагаемой «легитимности» горского правительства для того, чтобы представить ее как естественное выражение горского единства, но это предположение также нужно тщательно исследовать. Он отмечает, что созданное революцией горское правительство вскоре начало пользоваться значительно менее широкой народной поддержкой, и сам Союз был способен распасться по собственному желанию при очень

небольшом давлении со стороны большевиков.

Члены Союза горцев взаимодействовали и участвовали в работе другого нового органа местной власти – Дагестанского исполкома. Маршалл дает характеристику некоторым лицам, участвовавшим в событиях 1917 г., дает описание их жизни и деятельности до этого периода.

Маршалл отмечает, что вплоть до первого квартала 1918 г. местные политики в Дагестане оставались в значительной степени коалиционными по своему характеру, так как реакция дагестанской «социалистической группы» на захват власти большевиками в Петрограде в ноябре заключалась в том, чтобы осудить ленинских большевиков как «пытающихся осуществить невозможное».

Исследователь пишет о количестве большевиков, которые в тот период присутствовали на Кавказе и в Закавказье, отмечая, что партия большевиков часто оставалась в полном меньшинстве. Так, в Тбилиси в марте 1917 г. было не более пятнадцати-двадцати местных большевиков, во Владикавказе в марте их было так мало, что был создан объединенный большевистско-меньшевистский партийный комитет; а при выборах в местный совет рабочих депутатов в качестве кандидатов были избраны только два большевика. Большевики и эсеры преобладали и в Совете солдатских депутатов во Владикавказе. В Грозном в Совете рабочих и солдатских депутатов до-

минировали эсеры и меньшевики, но председательствовал большевик Н.А. Анисимов. Но в течение 1917 г. большевики стали набирать силу на Кавказе, как и на большей части остальной территории страны.

С ростом большевистского движения на Кавказе дагестанский исполком и горское правительство начали быстро распадаться [11, 62, 63].

Маршалл пишет, что к концу 1917 г. внутри исполкома в Союзе горцев возникли разногласия между такими людьми, как Н. Гоцинский, и людьми, подобными М. Дахадаеву, С. Габиеву и Дж. Коркмасову. Автор отмечает, что они вскоре оказались по разные стороны политического раскола, несмотря на часто поразительно похожее прошлое.

Маршалл обращается к событиям и в других регионах Северного Кавказа. Он пишет о столкновениях с июля 1917 г. чеченских и ингушских отрядов с местными казаками в районе Владикавказа и Грозного. Волнения начались из-за земельных споров между осетинами и ингушами в Северной Осетии. Таким образом, местный земельный вопрос возник из-за политических изменений. В итоге атаман Терского казачьего войска Караулов приказал построить серию оборонительных траншей вдоль существующей Сунженской линии. Возникло противостояние между казаками и вооруженными иногородними отрядами, «последние отказывались платить налоги и требовали постоянного надела земли, которую они арендовали у казаков. В местных условиях реакция Ка-

раулова на большевистский захват власти в Петрограде в ноябре 1917 г. была полностью отрицательной: он быстро ввел военное положение во всей Терской области, инициировал репрессии против местных советов в таких городах, как Грозный, и приказал всем местным казачьим частям перейти в состояние полной боевой готовности» [11, 64, 65, 66].

Маршалл пишет о том, что в сентябре 1917 г. Союз горцев объявил себя «суверенным правительством», независимым от России. В октябре ЦК Союза горцев был приглашен к участию в Юго-Восточном союзе, начавшем функционировать с 16 ноября 1917 г. в Екатеринодаре. Члены Союза Горцев выступили за присоединение к Юго-Восточному Союзу, чтобы избежать угрозы войны между казаками и горцами в регионе. Члены исполкома Дагестана Дж. Коркмасов и М. Дахадаев выступали против такого шага, но безрезультатно.

Автор отмечает, что члены Союза горцев не обращали внимания на британскую теневую игру, которая разворачивалась за кулисами по поддержке Юго-Восточного Союза (в феврале 1918 г. он прекратил существование). Так, после 28 декабря 1917 г. было организовано финансирование данной организации англичанами с майором Кизом (Кейсом), прикомандированным к британскому посольству в Петрограде. Последний в январе 1918 г. заключил союз с польским финансистом Каролем Ярошинским для создания «казачьего» банка, который должен

был поддерживаться группой из семи ведущих российских банковских учреждений. Создание данного блока могло привести к овладению контрольного пакета акций всей российской экономики; в итоге ни одно последующее российское правительство не могло бы эффективно функционировать без поддержки этой группы. Однако данная тайная британская финансовая схема превратилась в фарс, а затем рухнула. «Большевистская национализация всех государственных банков, сопровождаемая экспроприацией их активов и аннулированием всех акций, еще больше усложнила процесс и вызвала растущую озабоченность британского казначейства по поводу жизнеспособности схемы Киза, в которую британцы к настоящему времени уже вложили около 1 миллиона фунтов стерлингов – инвестиции, которые Британия, имеющая и без того крупную задолженность, могла осуществить только при тайной политической поддержке Америки», – заключает автор, отмечая влияние иностранных держав на российскую экономику [11, 66].

С 6 ноября 1917 г. в Терской области действовало два разных правительства – Союз горцев и Терский казачий круг, с 1 декабря 1917 г. они официально сформировали во Владикавказе коалицию в виде Терско-Дагестанского правительства, которое должно было представлять интересы как горцев, так и казаков. 21 декабря 1917 г. Терско-Дагестанское правительство объявило о намерении создать независимую

Горскую республику. Власть в этот период как на Тереке, так и в Дагестане была разделена между милликомитетом, Терско-Дагестанским правительством и большевиками в Порт-Петровске, дагестанский же исполком фактически не имел никакой силы. Маршалл ссылается на командира Северокавказской дикой дивизии Половцева, который лаконично характеризовал ситуацию в регионе, отмечая, что властей было слишком много, но никто им не повиновался, а реальная власть везде переходила к большевикам.

Автор останавливается на местной революционной партии «Кермен», которая возникла среди северных осетин летом 1917 г., 1/14 октября 1917 г. она создала свой первый центральный комитет во Владикавказе под руководством Д. Гибизова. Программа партии предусматривала ликвидацию помещиков и передачу всей земли крестьянству, в апреле 1918 г. она слилась с большевистской партией.

В декабре Осетинский национальный совет во главе меньшевиком С. Такоевым также заявлял о несогласии с признанием Терско-Дагестанского правительства. Автор отмечает, что 30 декабря данное правительство приказало офицерам Осетинского кавалерийского полка распустить Владикавказский совет, его члены были заключены в тюрьму, но вскоре их освободили вооруженные керменисты, и они ушли в подполье. Межэтническая напряженность в регионе усиливалась. Чеченские и ингушские набеги на каза-

чьи и русские поселения и ответные казачьи набеги на горные деревни подрывали усилия Терско-Дагестанского правительства по урегулированию ситуации.

Маршалл констатирует факт, что Гражданская война охватила большую часть Терской области во второй половине декабря, поводом к ее началу послужили два события – смерть главы Чеченского национального совета Шейха Дени Арсанова (27 декабря 1917 г.) и убийство пяти ингушей во Владикавказе несколькими днями позже.

Останавливаясь на событиях 1918 г., Маршалл пишет, что в январе того же года С. Такоев с группой из 500 осетин направился на Владикавказ, номинальную столицу Терско-Дагестанского правительства, с требованиями отставки данного правительства и передачи власти различным региональным национальным советам. Поводом к расколу между Терско-Дагестанским правительством и Осетинским национальным советом послужил арест и заключение членов Владикавказского Совета рабочих и солдатских депутатов в декабре 1917 г.

Автор отмечает, что во Владикавказе царил анархия. Открытие местной тюрьмы привело к освобождению не менее 200 убийц, воров и других местных преступников, которые вышли на улицы города. 31 декабря 1917 г. также начались ингушские нападения на окраины города [11, 67, 68, 69].

Помимо того, Грозный оказался в осаде, устроенной отрядами

Чеченского национального совета после смерти шейха Д. Арсанова. На протяжении всего 1917 г. в Чечне нарастала казачье-чеченская напряженность, а Арсанов был одним из тех, кто был способен сохранять спокойствие в регионе. Грозненским советом был избран военно-революционный совет, председателем был казак, а секретарем – большевик, город был разделен на 14 секций, каждая из них подчинялась комиссару. В апреле 1918 г. Грозный все еще представлял собой «осажденный лагерь», мужское население города было мобилизовано на его защиту [11, 70].

Автор показывает, что Терско-Дагестанское правительство закрепилось во Владикавказе до марта 1918 г. благодаря стабилизационным мерам, предпринятым полковником Беликовым, бывшим командиром местного военного гарнизона. Он создал городскую милицию из демобилизованных и безработных офицеров и студентов, которая охраняла улицы и восстановила спокойствие в центре города.

Маршалл отмечает, что, несмотря на свою слабость, представители Терско-Дагестанского правительства в марте 1918 г. участвовали в новых переговорах между Османским правительством и Закавказским комиссариатом с целью объединения Кавказа на основе географических, экономических, стратегических и политических соображений, хотя в этот период их внутренняя база ускользала из их рук. Владикавказ был сдан 18 марта, а в начале мая с

новым наступлением большевиков остатки Терско-Дагестанского правительства были вытеснены из Темир-Хан-Шуры в Дагестане.

11 мая 1918 г. бывшие представители Терско-Дагестанского правительства объявили о создании независимой Северокавказской республики при Горском правительстве (Горской республики) во главе с Т. Чермоевым и князем Н.-Б. Тарковским, с Г. Бамматовым на посту министра иностранных дел. Они продолжали настаивать на создании кавказской конфедерации, с этой же целью они поддерживали контакты с новыми независимыми государствами – Грузией, Арменией и Азербайджаном.

Маршалл иронизирует по поводу притязаний Горского правительства (Горской республики) на территорию, которая к тому периоду в значительной степени управлялась большевиками: политический факт, который не хотело признавать указанное правительство. «Нота, направленная Бамматовым в МИД СССР через немецкого посла Мирбаха, в которой провозглашались создание и независимость Горской республики, была встречена с советской стороны именно с таким презрением, которого она, несомненно, заслуживала», – пишет автор [11, 71]. Однако Османская империя данное правительство признало и подписало договор о дружбе 8 июня 1918 г.

Автор уделяет внимание и состоянию большевистской власти на Кавказе в 1918 г., отмечая, что оно сильно менялось. Пробольшевист-

ский режим, представлявший Терскую народную республику в марте 1918 г. мирно повторно оккупировал Владикавказ, руководствуясь политикой С. Кирова. Появлению нового коалиционного правительства способствовал Моздокский съезд, который состоялся 25–31 января 1918 г. На данном съезде С. Киров призывал к соблюдению терпимости и отмечал, что они идут на все необходимые взаимные уступки для преодоления общей опасности.

Съезд был изначально созван Моздокским военно-революционным советом, цель которого состояла в замене дискредитированного Терского казачьего круга и в поддержке беспрепятственного ведения войны против чеченцев и ингушей. Благодаря Кирову удалось отговорить съезд от военной экспедиции против чеченцев и ингушей, так за мир проголосовали 168 делегатов против 132 делегатов, проголосовавших за войну. Если от участия в первом съезде были исключены чеченцы и ингуши, то впоследствии на съездах было решено пригласить чеченцев и ингушей на мирные переговоры для завершения «национально-племенной войны», разразившейся в регионе.

Маршалл останавливается и на втором съезде, который состоялся 16 февраля – 15 марта 1918 г. в Пятигорске, в котором приняли участие чеченские и ингушские делегаты. На съезде был избран Совет народных комиссаров Терской республики, съезд проголосовал за признание и присоединение к ленинской РСФСР.

Год спустя С. Орджоникидзе вспоминал, что это признание Советской власти обеими сторонами было сделано по дипломатическим причинам. Казаки надеялись получить от Советской власти оружие и разгромить горцев, а горцы боялись, что их объявят контрреволюционерами, и в признании Советской власти они видели спасение от казаков. Таким образом, для обеих сторон Советская власть являлась силой нейтралитета.

Терский район стал номинальной советской республикой. Реальная власть на местном уровне была разделена между тремя органами: Терское народное собрание, Народный совет и Совет народных комиссаров. Коалиционный характер проявлялся в том, что из четырнадцати комиссаров в СНК Терской Народной Республики трое были большевиками, остальные – меньшевиками или эсерами [11, 71, 72, 73].

Описывая события в Терской Народной Республике, автор отмечает, что она представляла собой выдающийся эксперимент по формированию коалиционной революционной демократии. В течение года были проведены сессии пяти конгрессов, они отражали широкий спектр мнений, и «даже видные политические ораторы часто были запуганы беспокойной, а иногда и враждебной аудиторией. Здесь не было никакой «бюрократии штампа», – пишет исследователь, – с помощью которой иностранные наблюдатели традиционно впоследствии критиковали советскую власть – решения часто

принимались решительным голосованием, а съезды представляли собой реальную и яркую, хотя и нестабильную, форму принятия демократических решений на местном уровне» [11, 73].

Второй съезд в Пятигорске явился показателем внутренней напряженности, существовавшей в новом правительстве. Делегаты съезда от казаков знали о том, что самопровозглашенный Казачий Круг параллельно проводил заседание во Владикавказе. Это явилось показателем того, что Терское казачье войско было разделено по вопросу проводимой мирной политики в отношении чеченцев и ингушей и более глубоких проблем, связанных с решением местного земельного вопроса. Представитель казаков на Пятигорском съезде объявил, что происходящее во Владикавказе не стоит считать Кругом, а является отдельным собранием некомпетентных казаков, так как многие казачьи станицы Моздокского отдела не послали туда представителей. Автор отмечает, что решение Пятигорского съезда не посылать во Владикавказ коллективной телеграммы с приглашением казаков в Пятигорск было встречено протестом со стороны членов казачьей фракции на самом съезде.

В мае в Грозном состоялся третий съезд нового правительства Терской республики, здесь «была принята политика переселения казачьих станиц Тарской, Аки-Юртовской и Сунженской с целью обращения вспять царской политики заселения казачьих земель, которая ранее проводилась

за счет горцев». Казаки «были массово переселены в Пятигорск» (около 10000), «а их бывшие земли – более 35000 десятин – переданы чеченцам и ингушам. Большевистская земельная политика была посвящена обращению вспять царского наследия региона, стиранию физического отпечатка царизма путем проведения столь же жесткой политики территориальной этнической чистки против казаков» [11, 73, 74, 75].

В ответ на проводившуюся земельную политику 23 июня было поднято восстание Терским казачьим войском во главе с меньшевистским осетинским активистом Г. Бичераховым, казаком А. Шкуро и генералом Э. Мистуловым. Это привело к резкому расколу в существовавшем революционном правительстве. Маршалл, сравнивая казачьих повстанцев в Терской Народной Республике летом 1918 г. с фракцией, возглавляемой Деникиным в Белом движении на северо-западе, отмечал, что они (повстанцы в Терской Народной Республике) не были контрреволюционными или промонархистскими, а обвиняли большевиков в нарушении обещания мартовской революции 1917 г.

Моздок стал территориальной базой казаков, сюда переехала казачья фракция Народного Совета во Владикавказе. Но военная дезорганизация и стратегические разногласия являлись главными препятствиями для восстания [11, 75].

Несмотря на слабость казаков, согласно Маршаллу, восстание создало большие трудности для руководства

Терской Народной республики, поддерживавшего большевиков, так как восстание фактически продлилось пять месяцев. В апреле 1918 г. Владикавказский совет попытался организовать армию с привлечением военных специалистов из числа бывших царских офицеров, они хотели создать более подготовленные местные вооруженные силы. И если генералы Рузский и Радко-Димитриев отказались возглавить Терскую армию и в итоге были казнены, то главнокомандующим этой армии был назначен генерал Мадритов, который симпатизировал Белому движению. Позже Мадритов перешел на сторону казачье-крестьянского совета во время боев во Владикавказе и вокруг него в «Августовские дни». В итоге региональные большевистские усилия оказались напрасны [11, 77].

Подавление казачьего восстания привело к истощению материальных и моральных сил Терской Народной Республики, которое очень скоро сделало ее легкой добычей для войск Деникина в 1919 г.

«Осетино-казачье восстание и последовавшие за ним репрессии радикализировали участников со всех сторон. В декабре Киров официально представил закон, полностью вводивший советскую власть в регионе», – констатирует автор [11, 80].

Маршалл останавливается на череде событий, имевших место в

Дагестанской области, уделяет внимание противоборствующим силам и сражениям между ними. Он отмечает, что «отряды Нажмутдина и Узун-Хаджи, не привыкшие к артиллерийскому обстрелу, рассыпались, как только артиллерийские снаряды начали пролетать над головой. Большевики не решались вступить в рукопашный бой с горцами и стреляли по ним из артиллерии и пулеметов. Русские большевики опасались рукопашной кинжальной борьбы с дагестанцами. По этим причинам бои между большевиками и горцами были чрезвычайно короткими и заканчивались бегством большевиков от рукопашного боя или горцев от артиллерийского огня» [11, 84, 85]. К июлю 1918 г. в Дагестане воцарилось временное нестабильное военно-политическое равновесие.

Маршалл в своем исследовании уделит внимание и Бичерахову, Северокавказской горской республике, восстанию в Дагестане и другим аспектам, касающимся темы исследования.

Таким образом, в современной англоязычной историографии можно выделить ряд работ о событиях на Северном Кавказе, среди них и статьи по теме исследования. Все эти работы помогают рассмотреть события 1917–1921 гг. с точки зрения иностранных исследователей и существенно расширить исследовательский горизонт.

Примечания:

1. Здесь и далее по тексту перевод выполнен автором статьи.
2. <https://nes.princeton.edu/people/michael-reynolds> (дата обращения: 2.11.2020 г.)

-
1. *French F.J.F.* From the Whitehall to the Caspian. London: Odhams press limited, 1920. 255 p.
 2. *Bechhofer C.E.* In Denikin's Russia and the Caucasus, 1919–1920. London: W. Collins sons & Co. Ltd., 1921. 324 p.
 3. *Chamberlin W.H.* The Russian revolution. 1917–1921. In 2 vol. Vol. 2. 1918–1921: From the Civil War to the consolidation of power. New York: The Universal library. Grosset & Dunlap, 1976. 572 p.
 4. *Carr E.H.* The Bolshevik revolution 1917–1923. Vol. 1. London: Macmillan & Co. Ltd., 1950. 430 p.
 5. *Kazemzadeh F.* The struggle for Transcaucasia, 1917–1921 / With an introd. by M. Karpovich. New York: Philos. Libr.; Oxford: Ronald, 1951. 356 p.
 6. *Allen W.E.D., Muratoff P.* Caucasian battlefields. A history of the wars on the Turco-Caucasian border 1828–1921. Cambridge: University press, 1953. 614 p.
 7. The North Caucasus barrier. The Russian Advance towards the Muslim World / Ed. by Marie Bennigsen Broxup. London: Hurst & Co., 1996. 252 p.
 8. *Reynolds M.A.* The Ottoman-Russian struggle for eastern Anatolia and the Caucasus, 1908–1918: identity, ideology and the geopolitics of world order. A dissertation ... for the degree of doctor of philosophy. Princeton, 2003. 640 p.
 9. *Rasizade A.* Chechnya: The Achilles heel of Russia – part one // Contemporary review; Apr., 2005. Vol. 286. № 1671. P. 193–197.
 10. *Reynolds M.A.* Native Sons: Post-Imperial Politics, Islam, and Identity in the North Caucasus, 1917–1918 // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, Neue Folge, Bd. 56, H. 2 (2008). P. 221–247.
 11. *Marshall A.* The Caucasus under Soviet rule. London and New York: Routledge, 2010. 387 p.

Salikhova, Leila B. – Institute for History, Archaeology and Ethnography of the Dagestan Federal Scientific Centre of RAS (Makhachkala, Russia); leila.salihova@yandex.ru

MODERN ENGLISH-LANGUAGE HISTORIOGRAPHY ABOUT THE 1917–1921 EVENTS IN THE NORTH CAUCASUS.

Keywords: North Caucasus, English-language researchers, Terek-Dagestan government, the United Mountain Peoples of the North Caucasus and Dagestan, Southeastern League of Cossack Hosts, Mountaineers of the Caucasus and Free Peoples of the Steppes.

The paper examines the studies of English-language authors on the events of the revolutions of 1917, the civil war and intervention, which attract the attention of both native and foreign researchers. It was noted the interest of the English-language authors in the North Caucasus in the XX, and in the XXI century. The work is relevant, as it provides an opportunity to get acquainted with the research of English-language authors, with their view on the historical past of the peoples of the North Caucasus, associated with the history of Russia as a whole, with their role in the geopolitical context. The purpose of the paper is to identify the works of English-language researchers of the XXth century in foreign literature about the events in the North Caucasus in the period 1917–1921 and try to analyze them. The following methods were used in the study: method of description, analysis, principle of objectivity, etc. The paper shows that foreign authors in their works paid attention to the North Caucasian Mountain Republic, the Southeastern League of Cossack Hosts, Mountaineers of the Caucasus and Free Peoples of the Steppes, to the relations of the peoples of this region with the Russians, Great Powers, with its neighbours in the Caucasus, the impact of religion on mountaineer politics. They noted the opportunities that the events of 1917 provided to the peoples of the North Caucasus, including the organization of various political councils, new local governments, etc. English-language scholars also dwelt on the confrontation among the population, which led to armed clashes. The works of foreign authors help to supplement the material of native researchers and significantly broaden the research horizon.

REFERENCES

1. French, F.J.F. From the Whitehall to the Caspian. London, Odhams press limited, 1920. 255 p.
2. Bechhofer, C.E. In Denikin's Russia and the Caucasus, 1919–1920. London, W. Collins sons & Co. Ltd., 1921. 324 p.
3. Chamberlin, W.H. The Russian revolution. 1917–1921. In 2 vol. Vol. 2. 1918–1921. From the Civil War to the consolidation of power. New York, The Universal library. Grosset & Dunlap, 1976. 572 p.
4. Carr, E.H. The Bolshevik revolution 1917–1923. Vol. 1. London, Macmillan & Co. Ltd., 1950. 430 p.
5. Kazemzadeh, F. The struggle for Transcaucasia, 1917–1921. With an introd. by M. Karpovich. New York, Philos. Libr. Oxford, Ronald, 1951. 356 p.
6. Allen, W.E.D., Muratoff, P. Caucasian battlefields. A history of the wars on the Turco-Caucasian border 1828–1921. Cambridge, University press, 1953. 614 p.
7. Bennigsen Broxup, M. (ed.) The North Caucasus barrier. The Russian Advance towards the Muslim World. London, Hurst & Co., 1996. 252 p.
8. Reynolds, M.A. The Ottoman-Russian struggle for eastern Anatolia and the Caucasus, 1908–1918: identity, ideology and the geopolitics of world order. A dissertation ... for the degree of doctor of philosophy. Princeton, 2003. 640 p.
9. Rasizade, A. Chechnya: The Achilles heel of Russia – part one. Contemporary review. Apr., 2005. Vol. 286. № 1671. P. 193–197.
10. Reynolds, M.A. Native Sons: Post-Imperial Politics, Islam, and Identity in the North Caucasus, 1917–1918. Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, Neue Folge, Bd. 56, H. 2 (2008). P. 221–247.
11. Marshall, A. The Caucasus under Soviet rule. London and New York, Routledge, 2010. 387 p.